

УВАРОВА ЕЛЕНА

МАРИЯ

Тревожен город, пахнувший мацой,
но звёзды стали ласковой и гуще.
Ты девочка, ты с ангельском лицом,
ещё не знаешь смерти вездесущей.

Отпугивая свечкой полумглу,
её шаги и злые отголоски,
ты, сидя на соломенном полу,
неслышно лепишь куколку из воска.

Сыночка лепишь. Сказки наизусть
поёт ему придуманное эхо,
ещё не повернуло время в грусть,
ещё оно полно тепла и смеха.

Благая тишина вокруг. Глядишь
на маленькое слепленное тело.
Скажи тебе сейчас, что эту тишь
однажды оборвут остервенело,

ты не согласишься горькой ворожке,
не закричишь от горя и обиды,
не чувствуя, что маетно уже
земле от Вифлеема до Халкиды.

Не нужно знать тебе, что будет вой,
что будет боль, и от неё не деться,
пока в ладонях мальчик восковой,
и ты его качаешь, как младенца.

БЕЗАНСОН

Жизнь приходит засухой и циклоном,

то молчит, то жжёт нецензурной бранью.
Помнишь наши встречи под Безансоном,
где закаты стыли в горшках герани,
где глухие окна врезались в крышу
и глядели в заросли винограда,
где читавший Фрейда портье-мальчишка
ободрял нас добрым лукавым взглядом?
В небе между звёзд прорастал физалис,
в чьей утробе зрела луна большая.
Мы шагали к речке и целовались,
ничего друг другу не обещая.

Но проснувшись утром, мы понимали —
ни реки, ни тёплого Безансона
просто нет, а рядом такие дали,
что нам Фрейд и звёзды не по сезону.
Ни портье, ни музыки, ни накала,
за окном – заснеженная черешня,
между нами пропасть и одеяло,
да и то лишь в мыслях: благих и грешных.

ГАДАЛКА

На сочельник снег дотемна маячил,
а когда замёл он моё крыльцо,
в ледяную дверь постучался мальчик —
невысокий, щуплый, с рябым лицом.

Говорил тревожно, ступал несмело,
наблюдал с опаской, исподтишка.
Сел у печки. Печка безмолвно пела,
как поёт старуха без языка.

Погадать просил. Растирая пальцы,
отогрелся, скинул с себя тулуп.
Я в него глядела: вот церковь, плацы...

и проклятья с чьих-то слетают губ.

Кто ты, мальчик? Выйди ко мне, не прячься.

Два пути на линии жизни есть.

На одном – ты зряч, но идёшь к незрячим,
и несёшь смиренно благую весть.

На другом, который вот здесь, где палец,
ты - слепец, и сеешь повсюду смерть.

Кто ты, мальчик? Кто ты, худой страдалец?
Отчего так страшно в тебя глядеть?

Выбирай судьбу! Впрочем, ты не властен.

Или властен? Вот же – не разобрать!

За тобой – лукавый с драконьей пастью,
но и Бог, в которого верит мать.

Выбрав свет, погибнешь, как лёд на солнце.

Жив останешься, встав на безбожный путь,
одержимость властью в тебе проснётся,
от которой в сторону не свернуть –

так в ушко иглы не пролезть верблюду.

И тогда хоть сотню лет проживи:

будет плач и скрежет зубов повсюду.

Будет кровь...и слава твоя... в крови.

Он сидел, на плечи тулуп набросив,

словно мёрз, но пот выступал на лбу.

И глумилась ночь: «Выбирай, Иосиф,
если сможешь выбрать свою судьбу».